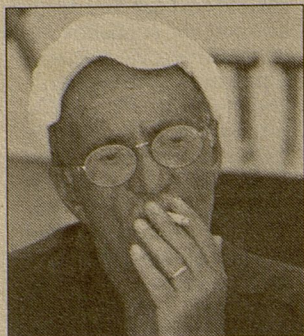

● На прилавках — второй бестселлер Георгия Данелия. Первый, «Безбилетный пассажир», разошелся за несколько дней

25
№63 (1088) 29.08—31.08.2005 г.
НОВАЯ ГАЗЕТА

В № 62 мы опубликовали первые несколько глав из новой книги Георгия Данелия. 25 августа — в день 75-летия автора — состоялась ее презентация. Поздравляем Георгия Николаевича в качестве автора уже второго бестселлера и предлагаем вашему вниманию «итальянский» отрывок из «Тостуемого...»

играть, а я запел: «А я иду, шагаю по Москве, и я пройди еще смогу!». Когда Андрей закончил играть, все похлопали, а я объявил, что этот застенчивый человек, который так скромно сидит за пианино, не только гениальный композитор, но и крупный политический деятель, он депутат Верховного Совета, русский

Выкинутый вальс

На следующий день утром меня разбудил Петров. Сказал, что снизу ему позвонила вчерашняя негритянка, и попросил меня спуститься вместе с ним и узнать, что она хочет. В вести-

Вивьен говорила по-английски плохо, и поэтому понимать ее было легко. Андрей сказал, что, к сожалению, он этого сделать не сможет. Вивьен сказала, что понимает, что мало платит, но она может еще приходить к маэстро Андриюше в номер. Каждый день. Столько раз, сколько он захочет!

когда Андрей волнуется, ему трудно говорить.

— Синьора Вивьен! — позвал я.

Девушки остановились. Я подошел, взял у них слова и записал на них телефон, по которому можно было их найти, если у нас что-нибудь получится. А Андрей попросил Лолу что-нибудь пропеть, чтобы он понял, в какой тональности писать. Лола хмыкнула, засунула руки в карманы джинсов и запела низким контральто «Стрейнджерс ин зе нйт».

Пропела куплет и спросила:

— Понял тональность?

— Вы прекрасно поете, — сказал Андрей.

— Мы это и без тебя знаем, — сказала Лола.

И сестры ушли.

— Ей действительно нужна хорошая песня, — вздохнул Андрей.

— Вот и напиши.

И я спросил у портье, можно ли воспользоваться пианино в ресторане, пока там никого нет.

— Зачем вам ресторан? Синьор Луиджи велел, если понадобится инструмент, открыть для вас зал Карузо.

Портье взял ключ и отвел нас в небольшой полукруглый зал, где стояли кресла, белый рояль, а на стене висела медная доска: «В этом зале в 1919 году пел Энрико Карузо». Андрей сел за рояль, а я пошел спать.

Вечером меня разбудил Валера и спросил, не знаю ли я, где Петров. Я сказал: «Думаю, что знаю».

И не ошибся. Андрей все еще сидел в зале Карузо за белым роялем.

— У тебя совесть есть? — возмутился Валера. — Человек первый раз в Италии, а ты его усадишь в гостинице на целый день!

— Гия Канчели всегда говорит, что Данелия садист и тиран, — наиведничал Андрей.

— Значит, он разбирается в людях. Ладно, пойду скажу Сизову, что великий Андрей Петров жив, здоров и уже вовсю калывает.

Валера ушел.

— Послушай, что получилось. — Андрей сыграл и пропел, читая слова по бумажке. (Поэт Андрей Петров — прости меня, Андриюша, — не очень.)

— Ну что?

— Замечательно! После Энрико Карузо в этом зале вряд ли кто-нибудь пел лучше!

— Я спрашиваю, как мелодия?

— Неплохо. Но я бы еще поискал. (Фраза, которую я произношу всегда.)

— Ну не успею я! Не напишу я за пять минут шлягер!

— Дай-ка слова. — Я посмотрел текст и, благо итальянский читается, как пишется, вспомнил:

— Ты куда-нибудь поставил вальс, который мы выкинули из фильма «33»?

К фильму «33» Андрей написал вальс — очень мелодичный, нежный. Но, сколько я его ни пытался вставить в фильм, он никак не сочетался с тем, что происходило на экране.

— Кажется, нет.

— Сыграй. Я думаю, он может подойти.

Андрей сыграл и спел. Слова легли как родные.

— Все! Иди смотри Вечный город, маэстро Андриюша! Заслужил!

Я позвонил Вивьен. Трубку взяла старушка Роза. Она сказала, что Вивьен нет, и спросила, что передать. Я сказал, что песню для Лолы маэстро написал и что ноты я оставлю у портье, пусть кто-нибудь их заберет.

(Окончание следует)

Дети разных народов

...Слышу, кто-то позвал:

— Синьор реджисто!

папиросного ларька стояла «большой ребенок» Натали в «рабочей» одежде и боевой раскраске, а рядом с ней (в таком же наряде) — чернокожая девушка ростом под метр девяносто.

— Здорово, Наташка! — я ей обрадовался, как родной.

— Здравствуй. Это русские режиссеры. Я с ними на вилле у сценариста Сонего познакомилась, — похвасталась Наташка девице. (Девушку звали Вивьен.)

Я вспомнил, что Наташка считает нас жадными, и сказал, что мы приглашаем их на ужин в любой ресторан, какой они хотят.

— А деньги у тебя есть? — спросила она.

— Есть.

— Покажи.

Я показал.

Увидев внушительную пачку, Наташка сказала, что в ресторан они идти не могут, потому что на работе, но можно пойти к старушке Розе, там сейчас как раз их время. «Это нам будет стоить в час...» — и она назвала сумму в лирах, равную примерно пятидесяти долларам. «С каждого», — уточнила она.

(Здесь и дальше я буду переводить лиры в доллары.)

— О'кей, пошли!

— Гия, может, не стоит, — попытался остановить меня Валера.

— Неужели ты хочешь, чтобы они думали, что мы жмоты?!

И я, чтобы показать, что мы не жмоты, по дороге зашел в ближайший магазин и купил там выпивки и закуски.

Денег у меня было много, поскольку суточные итальянцы платили нам большие, тратить их было некуда: в гостинице все было бесплатно. <...>

Старушка Роза, сухонькая аккуратная женщина в очках, лет шестидесяти, попросила нас сверить часы и предупредила, что, если мы задержимся после первого часа хоть на десять минут, надо будет платить за второй.

— Согласны, — сказал я. — Но сначала давайте накроем стол и выпьем по рюмочке за то, чтобы моя нога, впервые вступившая в этот дом, принесла всем присутствующим счастье, благополучие и процветание! (Остапа понесло.)

Валера перевел дословно. Старушка Роза насторожилась и потребовала объяснений, что я имею в виду под ногой, приносящей счастье. И Валера объяснил, что к сексу нога, приносящая счастье, никакого отношения не имеет, что я грузин, а это грузинский тост. Тогда старушка Роза сказала, что у нее уже есть знакомый грузин синьор Вань Чень Лунь, он тоже любит непонятные тосты говорить.

— Но синьор Вань Чень Лунь, наверное, все-таки не грузин, а китаец?

— Папа, может быть, и китаец, но мама у него была грузинка, синьора Зульфия Зильберман. Она у нас в кабаре концертмейстером работала.

Тостуемый пьет до дна

Главы из новой книги. Они же — эпизоды из второй серии

Накрыли на стол, сели.

<...> Когда я произносил

тост за отсутствующих друзей (по порядку этот тост — сель-

мой), пришла Клавдия с боро-

ватым индусом в чалме. Я при-

гласил их к столу и поднял бокал за вновь прибывших, а в их

лице за Махатму Ганди и моего

друга Раджа Капура. Индус рас-

трогался и полез целоваться (он

тоже был поддатый).

А старушка Роза напом-

нила:

— Синьор грузин, ваш час

уже кончился, занимались вы

любовью или нет, не имеет зна-

чения.

Я заплатил ей за нас и за

своего нового друга индуса.

И тут вспомнил про своего

старого друга Андрея Петро-

ва: «Я его бросил! Господи,

какая же я свинья!».

Я позвонил в гостиницу

Петрову и сказал, что мы в гостях у наших итальянских друзей,

чтобы он взял водку, икру и немедленно ехал к нам. Андрей

сказал, что водку и икру у него

забрали для фурушета, но у него

осталась хохлома.

Водку и матрешек обяза-

тельно везли с собой граждане

СССР, когда ехали за рубеж.

— Хохлома не нужна, приезжай так!

<...> В дверях появились

Наташка с выпивкой и Андрей

Петров с большим букетом

цветов.

— Этот господин стоял там

внизу, — сказала Наташка.

Валера забрал у него цветы

и вручил их старушке Розе. А я

объявил, что к нам пришел великий композитор!

Андрей стоял в дверях с

цветами и растерянно смотрел

на наших новых итальянских

друзей.

— А великий композитор на

пианино умеет играть? — спросила Вивьен.

— Умеет.

— Тогда пусть сыграет нам

что-нибудь, что он сочинил, — и Вивьен поставила свой стул к пианино.

Андрей посмотрел на меня.

— Сыграй им «Я шагаю по

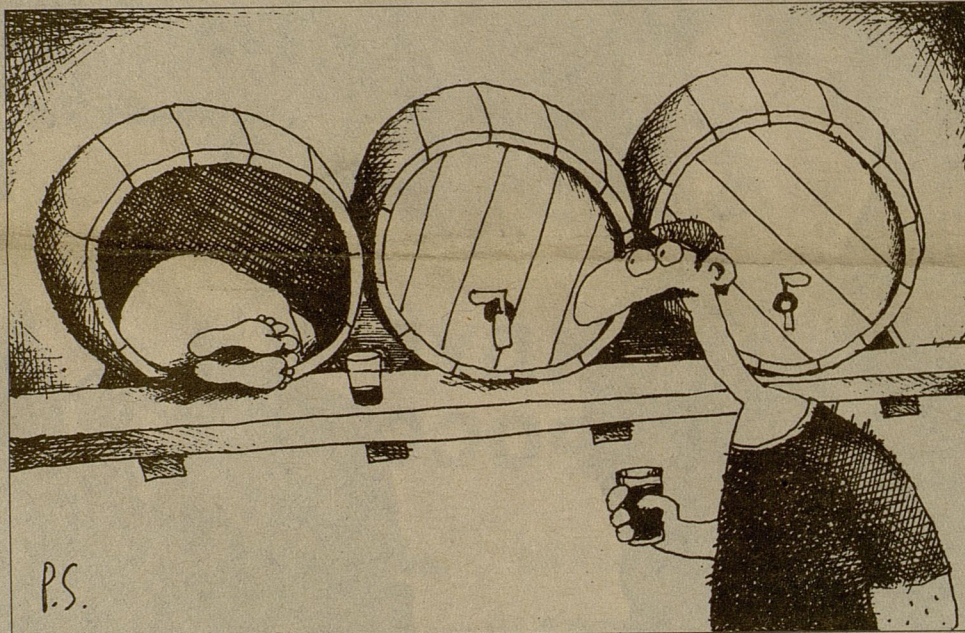
Москве!» — сказал я.

Андрей меня знал хорошо и

понимал, что сегодня от меня

так просто не отделаться. Он

покорно сел за пианино и начал

сенатор! Все снова заплотировали, и мы выпили за русского сенатора Петрова, за мир во всем мире и дружбу между народами. Потом еще за что-то пили. Потом, помню, Андрей играл что-то быстрое, а индус умолял меня уговорить сенатора Петрова убрать ракеты с Кубы, потому что, если начнется атомная война, живых на этой планете не останется. А у него недавно родился сыночек. «Такой маленький, с такими черными глазами, такими маленькими пальчиками!». И он зарыдал. А я его успокаивал, говорил, что если Андриюша не уверит ракеты, то я сам этим займусь! А потом пришли еще две девушки с двумя немцами.

Я пригласил и немцев выпить с нами по рюмочке, но они отказались и вызвали старушку Розу в прихожую. Вернувшись, старушка Роза сказала, что нам надо уходить, наше время кончилось. Расставаться с моими новыми друзьями мне не хотелось, и я пригласил всех в гости, на фурушет с водкой и черной икрой. И настаивал, чтобы ехали все, иначе я обижусь! И компания на трех такси отправилась в гостиницу. Когда подъехали к гостинице, за такси уже платил Валера: у меня не осталось ни копейки. <...>

бюле нас ждала Вивьен без макияжа, в майке и джинсах. Вивьен привела свою пятнадцатилетнюю сестру Лолу, такую же высокую и хорошенькую, похожую на студентку-отличницу из американского фильма.

Вивьен сказала, что у нее к маэстро деловое предложение. Лола очень хорошо поет, и она хочет, чтобы Лола стала певицей. А чтобы пробиться, нужна песня. Она накопила денег и заказала песню Анжело, пианисту из бара. Анжело написал слова и музыку — очень красивую песню, всем понравилось. Но один знакомый синьор сказал, что идти с этой песней на прослушивание нельзя, потому что эту музыку до Анжело уже написал композитор Шуберт. И все музыканты это знают. Вчера, когда Вивьен послушала песни маэстро Андриюши, она поняла, что его ей Бог послал! Она просит маэстро переделать песню так, чтобы ее никто не узнал!

Вивьен достала из сумки два листа и конверт. «Это слова, это ноты, а здесь 80 долларов». Она понимает, что это немного. Но больше у нее нет, потому что ей надо делиться со старушкой Розой, отстегивать сутенеру, родителям посылать (отец сейчас без работы) и за учебу Лолы платить.

— Но я не умею это делать!

— Ничего, я вас научу.

Андрей покраснел и сказал, что он не ЭТО имел в виду! Он не умеет переделывать чужую музыку!

— А вы сочините новую!

— Не успею. Я здесь всего на три дня.

— Успеете, если постараетесь! Ну, маэстро Андриюша, я вас очень прошу, ну пожалуйста! — У нее на глаза навернулись слезы. — Вы что, хотите, чтобы Лола, как я, работала у Розы? Вы хотя бы послушайте, как эта девочка поет! Лола, спой для маэстро Андриюши!

Тут Лола взорвалась:

— Да пошел он, этот маэстро Андриюша! Времени у него нет! Трахаться он не умеет! Просто он расист и импотент! Хватит унижаться, пойдем отсюда! (Говорила она по-итальянски, но к тому времени я уже почти все понимал.)

Сестры забрали ноты и пошли к выходу — стройные, длинноногие, гордые.

— Темпераментная синьорита, — улыбнулся нам портье.

В вестибюле, кроме нас и портье со швейцаром, никого не было.

«Расист» понял и Андрей.

— Гия, скажи, пусть они слова оставят, я п-п-попробую...

Он был очень взволнован, а

Данелия Георгий Николаевич (1930-2005)

31.08.05